

БОЛЬШИЕ



КНИГИ

Мэри
Стюарт

ХРУСТАЛЬНЫЙ
ГРОТ
♦
ПОЛЫЕ ХОЛМЫ



Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
С 88

Mary Stewart
THE CRYSTAL CAVE
Copyright © 1970 by Mary Stewart
THE HOLLOW HILLS
Copyright © 1973 by Mary Stewart
All rights reserved

Перевод с английского
Анны Хромовой, Инны Бернштейн

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Сергея Шикина, Валерия Гореликова

Иллюстрация на обложке Н. К. Уайета

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-18837-2

© А. С. Хромова, перевод, 2007
© И. М. Бернштейн (наследник), перевод, 1983
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство Иностранка®

ХРУСТАЛЬНЫЙ ГРОТ



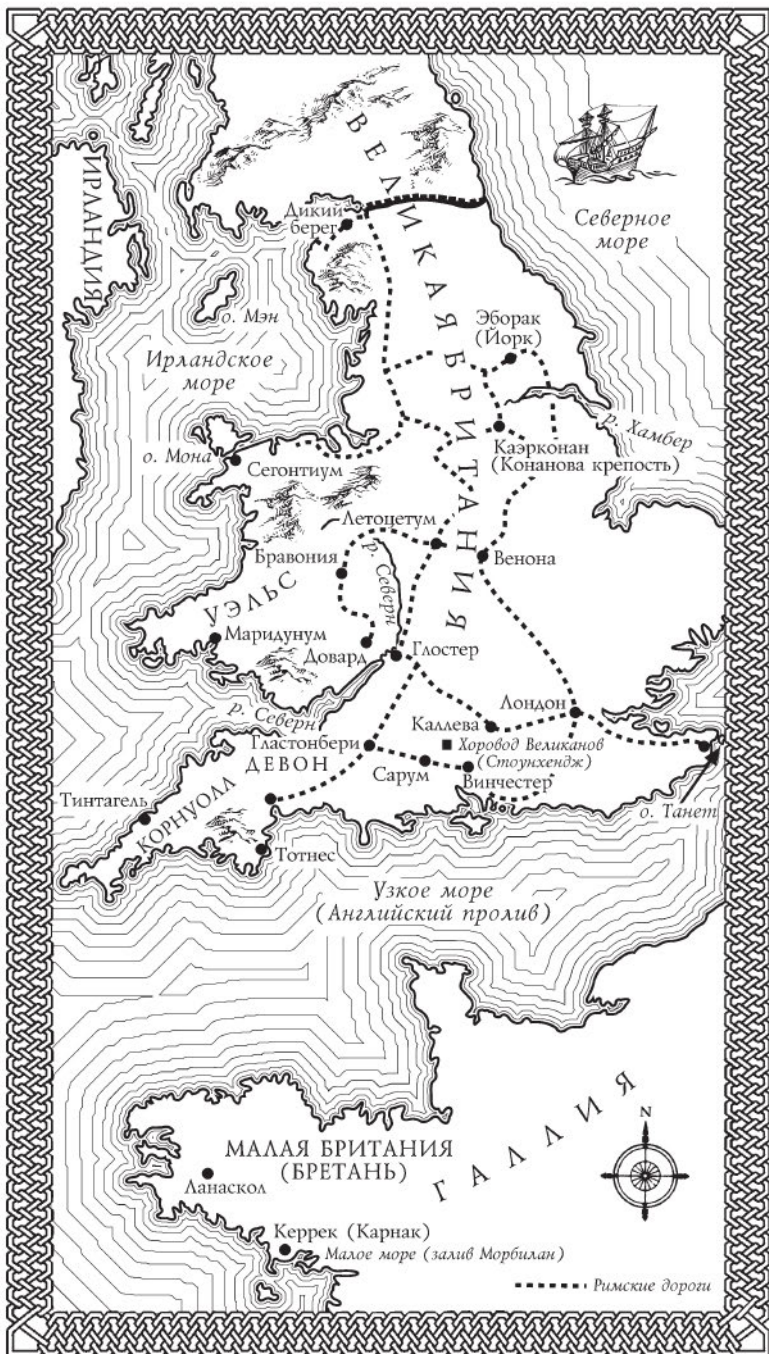
Памяти Молли Крейг, с любовью

МЕРЛИН

О Мерлин, маг в хрустальном гроте,
Где день меж бриллиантов бродит!
Найдется ль на земле певец,
Чья песнь по борозде проходит,
Что прочертил Адам-отец
В полях, в прибое, в небосводе?
О, где бегун, что избежит
Своей же тени, сердцем века
Пробьется, как пожар во ржи,
И яблоко вернет на ветку?
Открыть ли в колдовстве небрежном
Лик юной девы в грезе страшной,
День, что в покров оделся снежный,
И Время, запертое в башне?..

Эдвин Мур

Перевод Н. Эристави





ПРОЛОГ

КНЯЗЬ ТЬМЫ

Теперь я стар, но и в те времена, когда Артур взошел на трон, я был уже не молод.

То, что происходило потом, помнится более смутно и расплывчато, чем предшествующие события, как будто моя жизнь — дерево, что расцвело ко времени его появления, а ныне может лишь желтеть и сохнуть, клонясь к земле.

Для стариков недавнее прошлое всегда окутано туманом, а вот картины их юности отчетливы и ярки. Даже мое раннее детство является мне словно наяву, таким же живым и красочным, как зеленая яблоня у белой стены или знамена, озаренные солнцем, на фоне грозовой тучи.

Цвета видятся ярче, чем были на самом деле, я уверен. Здесь, во тьме, я вспоминаю то, что увидено острым взором ребенка; все это так далеко от меня, тогдашняя боль утихла, и кажется, что это произошло не со мной, не с дряхлым мешком костей, который хранит в себе эти воспоминания, а с другим Мерлином, юным, легким и крылатым, повелителем весенних ветров, подобным той птице, что дала мне свое имя.

Позднейшие воспоминания являются по-другому: изредка, расплывчато, в жарком пламени. Да, их я добываю из пламени.

Один из простейших, самых обычных приемов — не могу назвать это магией — еще остался со мной теперь, когда я состарился и опустился наконец до простого смертного.

У меня все еще бывают видения — не отчетливые и властные, подобные зову трубы, как в былые дни, а всего лишь грезы и смутные образы в языках огня, как у детей.

Я все еще могу зажечь или погасить огонь — это простейшее чудо, ему легче всего научиться, и забывается оно последним. То, что я не в силах вспомнить, я вижу в пламени, в раскаленных угольях или бесчисленных гранях хрустального грота.

Самое первое воспоминание встает из огня и мрака. Это не из моей памяти — потом вы поймете, откуда я знаю такие вещи.

Это скорее видение, сны о прошлом, что-то в крови, что-то, что увидел тот, кто еще носил меня в себе. Я думаю, это возможно. Мне кажется, справедливо будет начать с того, кто был раньше меня и кто будет снова, когда я исчезну.

Вот что произошло в ту ночь. Я это видел и знаю, что это правда.

Ночь была темная и холодная, и он развел небольшой костерок, который сильно дымил, но все-таки грел. Весь день шел дождь, и с ветвей у входа в пещеру падали капли, чаша у порога переполнилась, и ровная струйка воды выбегала из нее, уходя в землю.

Ему не сиделось на месте. Несколько раз он выходил из пещеры. Вот и теперь он спустился в рощу под обрывом, где пасся стреноженный конь.

К ночи дождь перестал, но над землей стелился туман. Деревья стояли, как призраки, и светло-серый конь, казалось, плыл над землей, как лебедь.

Он был еще больше похож на привидение, оттого что щипал траву совершенно бесшумно: человек разорвал перевязь и обвязал ею удила, чтобы не звенели. Удила были золоченые, а перевязь шелковая, и принадлежали они королевскому сыну. Если бы его нашли, то убили бы. Ему было ровно восемнадцать лет.

Из долины послышался приглушенный стук копыт. Юноша вскинул голову, дыхание его участилось. Блеснул выхваченный меч.

Серый конь перестал щипать траву и тоже поднял голову, дернул ноздрями, но не заржал.

Юноша улыбнулся. Стук копыт приближался, и вот из тумана появился бурый пони.

Всадник, невысокий и хрупкий, закутался в черный плащ, спасаясь от ночного холода. Пони остановился, вскинул голову и звонко, пронзительно заржал. Незнакомец испуганно вскрикнул, спрыгнул на землю, схватил пони под уздцы и накрыл ему морду плащом.

Это была девушка, совсем еще юная. Она встревоженно озиралась, пока не разглядела в тени деревьев юношу с обнаженным мечом.

— Шуму от тебя, как от целого войска, — сказал он.

— Я не заметила, как доехала. В тумане все кажется незнакомым.

— Как ты добралась? Тебя никто не видел?

— По-моему, никто. Вчера и позавчера я не могла. По дорогам ездили день и ночь.

— Я так и думал, — улынулся он. — Но ты все-таки приехала. Давай сюда пони.

Он увел пони в рощу и привязал. Потом поцеловал девушку. Немного погодя она оттолкнула его.

— Мне надо идти. Я привезла тебе поесть, так что если завтра не удастся выбраться...

Она осеклась, увидев, что его конь оседлан и навьючен, и вцепилась в плечи юноши. Он сжал ее ладони.

— О-о... — простонала она. — Я это знала. Мне снилось во сне. Ты уезжаешь.

— Это необходимо. Сегодня.

Прошла минута. Наконец она произнесла:

— Как скоро?..

Он не стал делать вид, что не понял.

— Через час, два, не больше.

— Ты вернешься, — спокойно сказала она.

Он хотел что-то ответить.

— Не надо, — оборвала она его. — Мы уже все обсудили, а теперь нет времени. Я только хочу сказать, что ты останешься жив и вернешься в Британию; говорю, потому что знаю. Я умею видеть будущее. Ты вернешься.

— Не обязательно видеть будущее, чтобы знать это. Я должен вернуться. Быть может, тогда...

— Не надо, — снова оборвала она, почти гневно. — Это не важно. Какая разница? У нас всего час, а мы тратим его зря. Идем.

Он обнял ее и повел к пещере, расстегивая на ходу брошь, скреплявшую ее плащ.

— Хорошо, идем.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВЯХИРЬ

ГЛАВА 1

Когда мой дядя Камлах вернулся домой, мне как раз исполнилось шесть лет. Я помню его таким, каким увидел в первый раз: высоким юношей, порывистым, как его отец — мой дед, голубоглазым и огненно-рыжим, похожим на мою мать, а она казалась мне очень красивой. Сентябрьским вечером, на закате, он въехал в Маридулум с небольшим воинским отрядом. Я, ребенок, был с женщинами в старой длинной комнате, где занимались рукоделием. Женщины пряли, мать сидела за ткацким станком — я даже помню, что она ткала: алое полотно с узкой зеленой каймой. Я сидел на полу у ее ног и играл бабками. Солнце светило прямо в окна, и золотые прямоугольники лежали на растрескавшемся мозаичном полу; на улице в траве гудели пчелы, и даже постукивание ткацкого станка наводило дрему. Женщины переговаривались, но вполголоса, склонившись над прялками, а Моравик, моя нянька, сидя в солнечном прямоугольнике, откровенно храпела на своем табурете.

На дворе послышался топот, потом раздались крики. Стук станка оборвался вместе с женской болтовней. Моравик всхрапнула, дернулась и проснулась. Мать выпрямилась, как струна, и прислушивалась, вскинув голову. Челнок выпал из ее рук. Я видел, как они переглянулись с Моравик.

Я бросился к окну, но нянька отозвала меня с полпути таким тоном, что я тут же послушно подошел к ней. Она принялась суетливо одергивать мою тунику и приглаживать мне волосы. Я понял, что ждут кого-то важного. У меня заколотилось сердце: похоже, меня собирались показать гостю! Это было странно — обычно меня в таких случаях прятали с глаз долой. Я терпеливо ждал, пока Моравик причешет меня. Они с матерью шепотом перебрасывались короткими, отрывистыми фразами. Я слушал вполуха и ничего не понял. Я жадно прислушивался к конскому топоту и крикам людей на дворе. Язык, на котором переговари-

вались, не был ни валлийским, ни латынью — они говорили по-кельтски, и выговор был бретонский. Я понимал их, потому что моя нянька, Моравик, была из Малой Британии и я выучил ее язык одновременно со своим родным.

До меня донесся раскатистый хохот деда. К нему присоединился другой. Потом голоса затихли — дед, должно быть, увел гостей в дом, и теперь во дворе слышался только звон упряжи и топот лошадей, которых разводили по стойлам.

Я вырвался от Моравик и подбежал к матери.

— Мама, кто это?

— Мой брат Камлах, сын короля.

Не глядя на меня, она указала на обрonnenный челнок. Я поднял его и отдал ей. Она снова принялась ткать, медленно, словно машинально.

— Значит, война кончилась, да?

— Война давно кончилась. Твой дядя был на юге, с верховным королем.

— А теперь он вернулся, потому что дядя Дивед умер?

Дивед был наследником, старшим сыном короля. Он скоропостижно скончался от колик в желудке, и его жена, Элен, вернулась домой к отцу (детей у них с Диведом не было). Конечно, поговаривали об отраве, как всегда бывает, но всерьез в это никто не верил: Диведа все любили. Он был отважный воин и хороший хозяин, умел быть и щедрым, когда нужно.

— Говорят, дядя женится. Правда, мама? — Я гордился своей осведомленностью и с радостью предвкушал свадебный пир. — Он, наверное, женится на Керидвен, раз дядя Дивед умер...

— Что-о-о?

Челнок замер в руках матери, и она резко повернулась ко мне. Но, видимо, мое лицо ее успокоило, потому что гнев в ее голосе исчез, хотя она все еще хмурилась, и Моравик негодующе зашипела на меня.

— Где ты этого набрался? Слишком много слушаешь, чего тебе не понять. Забудь все это и помалкивай.

Челнок снова задвигался, но медленно.

— Слушай, Мерлин, сынок, когда они придут посмотреть на тебя, будь тише мыши. Понял?

— Да, мама.

Я понял ее очень хорошо. Меня давно приучили не попадаться на глаза королю.

— А они что, придут на меня посмотреть? Почему на меня? В ее голосе послышалась горечь — от этого она сразу будто постарела, стала почти такой же, как Моравик:

— А как ты думаешь?

Челнок лихорадочно заметался у нее в руках. Она вплетала в ткань зеленую нить; я видел, что она портит узор, но промолчал: мне показалось, что так красивее. Я стоял и смотрел на нее, но тут отдернулась занавеска, и вошли двое мужчин.

В комнате сразу стало тесно. Две головы, седая и рыжая, на какой-нибудь фут не доставали до потолка. На деде было темносинее одеяние с золотой каймой. Камлах был в черном. Потом я узнал, что он всегда ходит в черном. На руках у него были кольца, на плече — брошь с камнями. Рядом со своим отцом он казался юным и тонким, но юрким и проворным, как лисица.

Мать встала. На ней было домашнее платье землистого цвета, распущенные волосы горели золотом, как спелая солома. Но мужчины даже не взглянули на нее. Можно было подумать, что в комнате нет никого, кроме малыша у ткацкого станка.

Дед тряхнул головой, бросил: «Вон!» — и женщины торопливо, почти беззвучно оставили комнату. Одна Моравик помедлила, напыжившись, как насадка, но взгляд ледяных голубых глаз на миг задержался на ней, и она удалилась, осмелившись лишь фыркнуть, скрываясь за дверь. Голубые глаза снова остановились на мне.

— Вот он, — хмуро сказал король. — Пащенок твоей сестрицы. Шесть лет сравнялось в этом месяце. Тянется, как крапива, и нашей породы в нем не больше, чем в щенке подзаборном. Ты глянь на него! Черноволосый, черноглазый и всего боится — точь-в-точь подкидыш народца из полых холмов. Скажи мне кто, что это чертово отродье, — я поверю!

Дядя обернулся к матери и коротко спросил:

— Чей он?

— А то мы ее не спрашивали, дурак ты набитый! — хмыкнул дед. — Ее так пороли, что бабы говорили, у нее выкидыш будет, а она ни слова. Хоть что-нибудь сказала бы про него, хоть ерунду какую-нибудь, бабы сказки про духов, что по ночам приходят к девушкам, — я бы этому поверил.

Золотоволосый Камлах разглядывал меня с высоты своих шести футов. Глаза у него были светло-голубые, как у матери,

а лицо красное. Мягкие сапоги оленьей кожи были заляпаны желтой глиной, от него пахло потом и лошадьми. Он даже не умылся с дороги. Я помню, как он смотрел на меня сверху вниз. Мать молчала, а дед грозно хмурился, дышал тяжело и хрипло, как всегда, когда, бывало, разгорячится.

— Подойди, — велел дядя.

Я подошел шагов на шесть — ближе не посмел. С трех шагов он казался еще выше и почти упирался головой в потолок.

— Как тебя зовут?

— Мирддин Эмрис.

— Эмрис? Дитя Света, любимец богов? Ничего себе имечко для чертова отродья!

Он говорил дружелюбно, и я осмелел.

— Меня еще зовут Мерлинус. Это по-латыни значит сокол, корвальх.

— Сокол! — фыркнул дед и презрительно махнул рукой, так что зазвенели золотые запястья.

— Это маленький сокол, — добавил я в оправдание и замолчал, видя, что дядя не слушает.

Он задумчиво потер подбородок и обратился к матери, недоуменно вскинув брови:

— Странные имена для мальчика из христианской семьи, Ниниана. Может, это был римский демон?

Мать вскинула голову.

— Может быть. Откуда я знаю? Темно было.

Он, кажется, ухмыльнулся, но король сердито хлопнул себя по боку.

— Слышал? Сплошное вранье, сказки про колдунов и чушь несусветная — больше ты от нее ничего не добьешься! Садись за работу, ты, и смотри, чтоб твой пащенок мне на глаза не попался! Теперь это дом твоего брата, а тебе мы приищем кого-нибудь, кто согласится взять обоих, чтобы вы у меня тут под ногами не путались. Видишь, Камлах? Это все, что у меня есть. Так что давай женись побыстрее и сделай мне парочку настоящих внуков.

— Ладно, женюсь, — спокойно согласился Камлах.

Они собрались уходить и больше не смотрели на меня. Меня никто не тронул. Я разжал кулаки и потихоньку стал отступать — шаг, еще шаг...

— Но ведь и ты женился, государь, и, говорят, она уже беременна?

— Это не важно. Тебе нужно жениться, чем скорее, тем лучше. Я старый человек, а времена нынче опасные. Что до этого мальчишки...

Я застыл.

— ...насчет него можешь не беспокоиться. Кто бы ни был его отец, раз он за шесть лет не появился, то уж теперь точно не объявится. И будь это хоть сам Вортигерн, верховный король, он от него толку не добьется. Крысеныш трусливый — от всех шарахается и прячется по углам. И с другими ребятами не играет — боится, должно быть. Он собственной тени даже боится.

Он повернулся к двери. Камлах переглянулся с матерью. Потом снова взглянул на меня и улыбнулся.

В комнате словно посветлело, хотя солнце уже село и начинало холодать. Вот-вот должны были внести свечи.

— Ладно, — сказал Камлах, — этот сокол еще не оперился. Не будь так суров к нему, государь; тебя в свое время боялись люди и похрабрее его.

— Это ты, что ли? Хо!

— Честное слово!

Король обернулся, уже стоя в дверях, и бросил на меня суровый взгляд из-под нависших бровей, потом снова фыркнул и перебросил плащ через руку.

— Ладно, ладно, проживем — увидим. Смерть Господня, как же есть хочется! Давно ужинать пора, но ведь ты еще полезешь в воду, по вашему дурацкому римскому обычаю? Имей в виду, с тех пор как ты уехал, баню ни разу не топили...

Последние слова он договорил уже за дверь. Я услышал, как мать перевела дух и зашуршала юбкой, садясь на свой табурет. Дядя протянул мне руку.

— Пойдем, Мерлинус, поболтаем, пока я буду мыться в вашей холодной уэльской бане. Нам, принцам, надо быть друзьями.

Я стоял как вкопанный. Мать тоже застыла — я это чувствовал.

— Идем же, — ласково повторил дядя и снова улыбнулся.

Я бросился к нему.

В ту же ночь я залез в подполье. Это был мой собственный дом, тайное укрытие, где можно было спрятаться от больших мальчишек и играть с самим собой. Дед был прав, когда говорил, что я «прячусь по углам», но прятался я не от страха, хотя, конечно, сыновья наших лордов подражали ему — дети всегда подражают старшим, — и я вечно бывал жертвой их жестоких воинских игр, когда им удавалось поймать меня.

Поначалу это подполье — заброшенная отопительная система — и впрямь было для меня всего лишь убежищем, где я мог побыть один и в безопасности; но вскоре мне понравилось разведывать тайны этих темных, узких, пахнущих землей ходов, проходивших под полами всех комнат дворца.

Дворец моего деда был некогда большой виллой, принадлежавшей какому-то знатному римлянину, который владел всеми землями на несколько миль вверх и вниз по реке. Дом сильно пострадал от времени, войн и большого пожара, который разрушил одно крыло главного здания и часть флигеля, но большая часть постройки была еще цела. Бывшие помещения для рабов, окружавшие двор, тоже сохранились — теперь там были кухни и службы; баня тоже уцелела, хотя сильно обветшала и была со всех сторон на скорую руку заделана глиной, а крышу латали тростником. Я не помню, чтобы баню хоть раз топили; воду грели во дворе в котлах.

В мой подземный ход можно было пробраться через печь в котельной.

Теперь это была просто дыра в стене под треснутым котлом, высотой по колено взрослому, заваленная всяким хламом и заросшая крапивой; вдобавок от котла отвалился большой черепок и совсем спрятал ее. Оттуда можно было пробраться под баню, но этими ходами не пользовались так давно, что они стали чересчур узкими и грязными даже для меня. Я обычно лазил в другую сторону, под главный дом. Там старая отопительная система была такой прочной и ухоженной, что эти ходы, фута в два высотой, даже теперь оставались сухими и на кирпичных столбах еще держалась штукатурка. Конечно, попадались обрушившиеся или засоренные места, но проходы в стенах были выстроены на совесть, так что я мог пробираться незамеченным до самой королевской спальни.

Думаю, попадись я там, простой поркой мне бы не отделаться: должно быть, я, сам того не ведая, подслушал немало секретных совещаний и, уж наверное, не одну семейную тайну — но тогда это не приходило мне в голову. А в том, что никто не боялся шпионов, и впрямь нет ничего удивительного: в былые времена эти ходы прочищали мальчишки-рабы, и большая их часть была недоступна ни для кого старше десяти лет; были там и такие места, где даже я пролезал с трудом. Опасность, что меня обнаружат, возникла лишь один раз: однажды вечером, когда Моравик думала, что я играю с ребятами, а те думали, что я прячусь у нее под юбкой, рыжий Диниас, мой главный мучитель, спихнул одного из младших с крыши, где они играли, и тот сломал себе ногу. Пострадавший так заорал, что примчалась Моравик, увидела, что меня нет, и поставила на уши весь дворец. Я услышал шум и успел выбраться из-под котла, чумазый и запыхавшийся, как раз когда начали обшаривать банный флигель. Мне удалось выкрутиться, и дело обошлось руганью и надранными ушами, но этот случай послужил мне уроком: днем я в подпол больше не лазил, только по вечерам, пока Моравик еще не легла, или ночью, дождавшись, когда она захрапит. К тому времени большая часть обитателей дворца тоже бывала в постели, но, когда дед устраивал пир или принимал гостей, я часто слушал музыку и голоса. А иногда я пробирался под спальню матери и прислушивался к ее разговорам со служанками. Однажды я услышал, как она молилась вслух, как молятся люди в одиночестве, повторяя мое имя — Эмрис, и плакала. Лазил я и в другую сторону, туда, где были комнаты королевы. Ольвен, молодая королева, почти каждый вечер пела, аккомпанируя себе на арфе, сидя среди своих дам, пока в коридоре не раздавались тяжелые шаги короля, — и тогда музыка прекращалась.

Но я лазил в подпол не за этим. Для меня была важна — как я теперь понимаю — возможность остаться одному в таинственной тьме, где человек невластен лишь над смертью.

Чаще всего я лазил в то место, которое я называл «моя пещера». Это были остатки какой-то большой трубы; верх ее обвалился, и было видно небо. Меня тянуло туда с того дня, когда я в полдень посмотрел вверх и увидел звезду — бледную, но отчетливую. Я пробирался туда по ночам, укладывался на под-

стилку из соломы, которую наворовал в хлеву, смотрел, как в небе медленно кружатся звезды, и загадывал, что, если увижу в трубе луну, на следующий день исполнится мое заветное желание.

В ту ночь я увидел луну. Полная, сияющая, она висела прямо посередине, и в мое запрокинутое лицо лился такой белый и чистый свет, что, казалось, его можно пить, как воду. Я лежал не шевелясь, пока луна не скрылась вместе с той звездочкой, что следует за ней.

На обратном пути я проползал под комнатой, где раньше никто не жил, но сегодня там слышались голоса.

Там Камлах, конечно. Он и еще один человек — я не знал его имени, но, судя по говору, он был из тех, кто приехал сегодня. Мне сказали, что они из Корнуолла. Голос у него был густой, раскатистый — я почти не разобрал его слов, да и не старался, а спешил поскорее убраться и ужом вилял меж столбами, заботясь только о том, чтобы меня не услышали.

Я уже добрался до стены и на ощупь искал проход в соседнюю комнату, но наткнулся плечом на разбитую глиняную трубу, и черепок упал со звоном. Голос корнуэльца оборвался на полуслове.

— Что это?

Слова дяди — они так отчетливо звучали в трубе, словно дядя говорил прямо у меня над ухом:

— Да ничего. Крыса. Это из подпола. Я же говорю, дом рушится прямо на глазах.

Отодвинули стул, шаги в сторону. Голос дяди отдалился. Мне послышался звон и бульканье вина. Я медленно-медленно пополз вдоль стены к проходу.

Он возвращался.

— ...да все равно, даже если и откажет ему, здесь она не останется, а если и останется, то лишь до тех пор, пока отец может пересилить епископа и удержать ее при себе. Я тебе говорю, пока она думает только о том, что зовет вышним царством, мне бояться нечего, даже если он сам явится.

— Да, если ей верить.

— Да нет, я ей верю. Я расспрашивал людей, все говорят то же самое.

Он рассмеялся.

— Кто знает, может, мы еще не раз скажем спасибо, что у нас есть заступница при царе небесном, прежде чем наша игра кончится. А говорят, она достаточно набожна, чтобы спасти целую армию таких, как мы, если только захочет.

— Может, тебе это еще понадобится, — заметил корнуэлец.

— Очень может быть.

— А мальчишка?

— Мальчишка? — переспросил дядя.

Он помолчал, потом снова заходил по комнате. Я весь обратился в слух. Мне нужно было это услышать. Я даже не знал, почему это так важно. Да пусть меня зовут ублюдком, трусом, чертовым отродьем — наплевать. Но сегодня в трубе показалась полная луна.

Дядя вернулся на место. Его голос снова стал звонким, беззаботным, даже снисходительным.

— Ах да, мальчишка. Похоже, неглупый малый — в нем есть больше, чем они все думают... ну и довольно славный, если с ним по-хорошему. Я стану держать его при себе. Запомни, Алун: этот мальчишка мне нравится.

Потом он позвал слугу долить вина в кубок, и я уполз под шумок.

Вот так это и началось. Я целыми днями таскался за ним повсюду, и он терпел меня, даже поощрял — мне ни разу не пришло в голову, что мужчине двадцати одного года от роду не может понравиться, что у него на хвосте все время висит шестилетний несмышлениш. Моравик ворчала на меня, когда ей удавалось меня поймать, но мать была очень рада — она явно испытывала облегчение и велела няньке оставить меня в покое.

ГЛАВА 2

Лето было жаркое, и год выдался мирный, так что в первые дни по приезде Камлах бездельничал: отдыхал или катался с отцом либо со своими людьми в полях, готовых к жатве, и в долинах, где с яблонь уже падали спелые яблоки.

Южный Уэльс — славный край: зеленые холмы, глубокие долины, ровные заливные луга, желтые от цветов, на лугах пасется

скот, дубравы кишат оленями, на высоких голубых нагорьях по весне кукует кукушка, а зимой рыщут волки, и мне приходилось видеть молнию даже во время снегопада.

Маридунум лежит при устье той реки, что на военных картах обозначена как Тобий, но валлийцы зовут ее Тиви. В тех местах она течет по широкой долине и вьется спокойными, глубокими излучинами через болота и заливные луга, мимо невысоких холмов. Город стоит на северном берегу, на возвышенности, где земля сухая; вглубь страны от него идет военная дорога на Каэрлеон, а с юга в город въезжают через крепкий каменный мост в три пролета, и прямая мощеная улица ведет от него в гору, мимо королевского дома на площадь. Кроме дома моего деда и казарм римской крепости, которые дед поддерживал в хорошем состоянии, потому что в них жили его воины, лучшим зданием в городе был женский монастырь на берегу реки близ дворца. Там жили несколько святых женщин; они называли себя общиной Святого Петра, но большинство горожан звали это место Тир-Мирддин, в честь древнего святилища этого бога, что с незапамятных времен стояло под дубом неподалеку от ворот Святого Петра. Еще когда я был ребенком, мне доводилось слышать, что и сам город называли Каэр-Мирддин; так что неправда, как говорят некоторые, будто город назвали так в мою честь. На самом деле это меня, как и город и холм за городом, где бил священный источник, назвали в честь бога, которому поклоняются на холмах. Когда случились те события, о которых я расскажу, люди решили, что город носит мое имя, но бог был там задолго до меня, и если я теперь живу в его холме, то лишь потому, что он делит его со мной.

Дворец деда, утопавший в садах, стоял над самой рекой. Если взобраться по наклонившейся яблоне на стену, можно было сесть над бечевником — узкой полосой берега вдоль кромки воды, по которой гоняли лошадей, тянущих баржи, — и смотреть на путников, что въезжают в город с юга по мосту, и на корабли, что поднимаются по реке вместе с приливом.

Мне не позволяли лазить на деревья за яблоками — приходилось обходиться падалицей, — но Моравик не препятствовала мне влезать на стену. Я сидел там, как часовой, и таким образом она первой во дворце узнавала обо всех приезжих. В конце сада

была маленькая терраска, огражденная изогнутой кирпичной стеной, с каменной скамьей, защищенной от ветра, и она сидела там и клевала носом над веретеном; солнце так нагревало ее уголок, что ящерки выползали погреться на камнях; а я сидел на стене и докладывал обо всех происшествиях.

Жарким вечером, дней через восемь после приезда Камлаха в Маридунум, я, как обычно, сидел на своем посту. Ни на мосту, ни на дороге, ведущей вверх вдоль реки, никого не было, только у причала грузилась местная баржа с зерном и за погрузкой наблюдала кучка зевак, да под стеной слонялся старик в плаще с капюшоном, подбирая упавшие яблоки.

Я оглянулся через плечо в сторону Моравик. Она спала, веретено упало к ней на колени, белое и пушистое — точь-в-точь перезревший камыш. Я отшвырнул битый паданец и задрал голову, разглядывая запретные сучья на макушке дерева, где висели золотистые яблоки. Вон то я, похоже, мог бы достать. Яблоко было круглое, блестящее, оно прямо на глазах наливалось сладким соком. У меня потекли слюнки. Я нащупал опору и полез вверх.

Мне осталось две ветки до того яблока, когда со стороны моста послышался крик, а потом — перестук копыт и звон упряжи. Я застыл на месте. Вцепившись в ветку, как мартышка, я встал на ноги, раздвинул листья и взглянул в ту сторону. По мосту в город скакал отряд людей. Один ехал впереди, с обнаженной головой, на большом буром коне.

Это не Камлах и не дед; и он не из наших дворян — его люди носили незнакомые цвета. Когда они подъехали ближе, я разглядел, что их предводитель — чужестранец, черноволосый, чернобородый, одет не по-нашему, на груди — что-то золотое. Наручи на нем тоже золотые, плечи очень широкие. Отряд у него был человек в пятьдесят.

«Король Горлан из Ланаскола». Откуда взялось это имя, такое отчетливое, я понятия не имел. Может, в лабиринте подслушал? Кто-то невзначай обмолвился при мальчишке? Может, даже приснилось? Щиты и наконечники копий сверкнули на солнце, на миг ослепив меня. Горлан из Ланаскола. Король. Приехал жениться на моей матери и взять меня с собой, за море. Она будет королевой. А я...

Он уже поднимался в гору. Я принялся осторожно сползать вниз. «А если она откажет ему?» Это голос корнуэльца, я узнал его. А потом — голос дяди: «Да все равно, если она и откажет ему... Мне бояться нечего, даже если он сам явится...»

Отряд неторопливо переезжал через мост. Лязг оружия и топот копыт слышался в неподвижном разогретом воздухе.

Приехал он сам. Он здесь.

На высоте фута над стеной я остуился и едва не упал. По счастью, мне удалось удержаться и благополучно соскользнуть на стену вместе с дождем листьев и коры как раз в тот момент, когда нянька пронзительно закричала:

— Мерлин! Мерлин! Господи помилуй, где же этот мальчишка?

— Я здесь... здесь, Моравик... я слезаю.

Я приземлился в высокую траву. Она бросила веретено и подбежала ко мне, подобрав юбки.

— Что там творится на дороге у реки? Лошади скачут, похоже, целый отряд... Святые угодники, вы поглядите на этого ребенка! Только на неделе починила тунику, а теперь глянь, на кого ты похож! Смотри, какая дыра — кулак пролезет, а грязный-то, грязный — бродяга, да и только!

Она протянула руку — я увернулся.

— Прости, пожалуйста. Я спускался и упал, хотел сказать тебе. Там отряд всадников — приезжие! Моравик, там король Горлан из Ланаскола! В красном плаще и с черной бородой!

— Горлан из Ланаскола? Господи, да это же всего миль двадцать от моей деревни! Хотела бы я знать, зачем он явился?

Я удивленно посмотрел на нее:

— Как, ты разве не знаешь? Он приехал жениться на маме.

— Чуть какая.

— Это правда!

— Ну да, правда! Уж я-то знала бы! Не говори таких вещей, Мерлин, а то попадет тебе. Откуда ты это взял?

— Не помню. Мне кто-то сказал. Мама, наверно.

— Не было такого, сам знаешь, что не было.

— Значит, я где-то слышал.

— Слышал, слышал! Говорят, чем щенок глупее, тем уши длиннее. От земли не видеть, вот и слышишь все на свете. Чего улыбаешься-то?

— Просто так.

Она прижала палец к губам.

— Слишком много слушаешь того, что тебя не касается. Неудивительно, что люди говорят то, что говорят.

Если мне случалось проболтаться, я обычно отступал и уходил с опасного места, но сейчас я был слишком возбужден.

— Это правда, правда, вот увидишь! Какая разница, где я это слышал? Ну не помню я, но знаю, что это правда! Моравик...

— Ну что?

— Король Горлан — мой отец, настоящий отец!

— Че-го?

Возглас провизжал, как пила.

— А ты не знала? Даже ты не знала?

— Да не знала я, не знала! И ты ничего об этом не знаешь.

И если только заикнешься кому-нибудь еще... Да откуда ты вообще знаешь, как его зовут? — Она встряхнула меня за плечи. — Откуда ты знаешь, что это король Горлан? Никто не говорил, что он приедет, даже мне ничего не сказали.

— Не помню, где и что я слышал. Я просто слышал где-то это имя, вот и все, и я знаю, что он приехал к королю насчет мамы. Мы уедем в Малую Британию, Моравик, и ты с нами поедешь, если хочешь. Поедешь, правда? Там твой дом. Мы, наверно, рядом будем...

Она сжала мое плечо, и я умолк. К моему облегчению, в саду показался один из телохранителей короля. Он подбежал, запыхавшись.

— Его к королю требуют, мальчишку. В большой зал. И поживей.

— Кто приехал-то? — спросила Моравик.

— Король сказал — поживей. Ищу, ищу его...

— Кто приехал?!

— Король Горлан из Бретани.

Она зашипела, как встревоженная гусыня, и отпустила меня.

— Мальчишка-то зачем понадобился?

— А я знаю?

Слуга запыхался — день был жаркий, а стражник был грузен и не церемонился с Моравик — она была моя нянька и с ней считались немногим больше, чем со мной.

СОДЕРЖАНИЕ

ХРУСТАЛЬНЫЙ ГРОТ

Перевод А. Хромовой

Пролог. Князь Тьмы	9
Часть первая. Вяхирь	12
Часть вторая. Сокол	103
Часть третья. Волк	192
Часть четвертая. Красный Дракон	275
Часть пятая. Приход Медведя	345
Легенда о Мерлине	410
От автора	414

ПОЛЫЕ ХОЛМЫ

Перевод И. Бернштейн

Часть первая. Ожидание	423
Часть вторая. Поиски	562
Часть третья. Меч	668
Часть четвертая. Король	740
Легенда	819
От автора	823

Стюарт М.

С 88 Хрустальный грот ; Полые холмы : романы / Мэри Стюарт ; пер. с англ. А. Хромовой, И. Бернштейн. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2021. — 832 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-18837-2

Мэри Стюарт (1916—2014) еще в юные годы дала зарок посвятить свою жизнь литературе. И фортуна встала на ее сторону. Первый роман («Мадам, вы будете говорить?») пришелся читателям по душе, и почти каждое новое произведение английской писательницы становилось бестселлером. Но настоящий успех пришел к ней в 1970-е годы, когда увидела свет трилогия о волшебнике Мерлине и короле Артуре («Хрустальный грот», «Полые холмы», «Последнее волшебство»), соединившая в себе историю и фантастику и впоследствии переросшая в пентологию (добавились романы «Недобрый день» и «Принц и паломница»).

Сама писательница свою задачу определяет просто: «Если голос преданий так настойчив — если мотивы так живучи и возрождаются вновь и вновь, — значит в них содержится реальное зерно, даже в самых фантастических историях, которые нагромодились вокруг сердцевины скудных фактов Артура существования. Увлекательное занятие — осмысливать эти подчас дикие и нелогичные сюжеты, придавать им характер более или менее связанных и правдоподобных рассказов о человеческих поступках и мире воображения».

В книгу входят первые два романа цикла.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

МЭРИ СТЮАРТ
ХРУСТАЛЬНЫЙ ГРОТ
•
ПОЛЫЕ ХОЛМЫ

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректор Анна Быстрова

Подписано в печать 16.11.2020. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 52. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/



H-I LN-27499-01-R